

П. И. НОВГОРОДЦЕВ

**Введение в философию права
Кризис современного правосознания**

ГЛАВА I

**КРИЗИС ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА
<в сокращении>**

**1. ИДЕЯ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА.
ДОКТРИНА РУССО**

Если бы надо было найти некоторую общую идею, одухотворяющую старое представление о правовом государстве, то такой идеей следует, конечно, признать понятие о естественной гармонии общественных отношений. Для оптимистически настроенной гармонии и радостно возбужденной мысли конца XVIII века все начала общественной жизни представляются находящимися в естественном и гармоническом соотношении, обеспечивающем их легкое осуществление в жизни. Равенство и свобода, общественное благо и личный интерес, справедливый закон и народная воля, требования права и подчиняющаяся им действительность — все это понятия близкие, родственные и настолько покрывающие друг друга, что в разумно устроенном государстве они связаны между собой неразрывной связью и неизбежно предполагают одно другое. Как понять нам теперь, в начале XX века, знаменитую задачу Руссо: «Найти форму устройства, в которой каждый, соединяясь с другими, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы столь же свободным, как прежде»¹. Мы скажем теперь, что это — задача неразрешимая и невозможная, что в качестве члена общества человек ограничивается в своей свободе и подчиняется правилам, которые могут и противоречить его воле. Для XVIII века вопрос Руссо вполне практи-

ческий и правильный, ожидающий столь же благоприятного разрешения, сколь счастливой является самая его постановка.

Что остается нам от этих простых и ясных схем, о которых приходится вспоминать, как о сладком сне политической мысли? Невольно завидуешь этому изящному и гармоническому построению старой науки, которая уже видела себя в обладании драгоценных ключей к общественному миру и счастью. Суровый опыт XIX века беспощадно разбил всю эту изящную простоту старых схем и снова поставил мысль перед глубиной жизненных противоречий, наделив и самую науку сомнениями и вопросами, осторожностью выводов и сложностью ответов. Опыт жизни открыл, что идеальные начала правового государства не только не могли быть немедленно осуществлены, но и еще заключали в себе, вместо полной гармонии, известный антагонизм, который вообще делал их неосуществимыми в чистом и безусловном выражении. Богатый и поучительный опыт! По своему значению он равняется исключительной важности тех начал, которых он должен был послужить испытанием.

Я хочу здесь рассмотреть результаты этого опыта, поскольку их можно проследить в их влиянии на основные начала старого естественного права, составлявшего политическую философию XVIII века. Все заставляет начать этот анализ с той главной идеи, во имя которой была совершена Французская революция, — с идеи народного суверенитета. Но тот, кто хочет иметь ключ к пониманию этой идеи, должен обратиться к «Общественному договору» Руссо.

Немного найдется книг более влиятельных, более имевших власть над умами. Еще недавно «Общественный договор» сопоставляли по влиянию с Евангелием, говоря, что после Евангелия не было произведения более влиятельного. Это было несомненно политическое *credo* своего времени, которое легло в основу политической теории XIX века. До сих пор господствующей философской идеей государственного права остается провозглашенная Руссо идея народного суверенитета. Вне этого мы видим или отдельные опыты новых построений, как у некоторых французских писателей — у д'Эйхтала, Дюги, Бенуа², или же полную философскую беспомощность, как в немецкой науке, которая отвергла принцип народного суверенитета, но не нашла для себя другого основания и осталась висящей в воздухе*. Что

* По вопросу о немецкой теории государства см. мою статью: Государство и право // Вопросы фил. и психол. Кн. 74.

касается практического значения этого принципа, самого важного из всех провозглашенных Французской революцией, то и здесь ему принадлежала такая же господствующая роль. Как замечает Эсмен³, «французские конституции, при всех своих различиях, все, кроме Хартии 1814 г., признавали его и брали его за основание. Он мало-помалу обошел весь мир; и там, где он устанавливался, он вызывал глубокие изменения в учреждениях, происшедших из другого источника и одновременно принятых современными нациями, т. е. в представительном правлении и парламентаризме»*. Для практики, как и для теории правового государства, идея народного суверенитета представляла центральный движущий нерв, живую душу всех выводов и построений. Гармонически образ этой идеи, жившей в сердцах прежних практиков и теоретиков, сообщал соответствующую гармонию и всему представлению о правовом государстве, ставил для него ясную и понятную цель. Камилл Демулен⁴, находившийся под непосредственным обаянием веры в народный суверенитет, нашел счастливое выражение для этой веры, когда по одному частному поводу он заметил: «Народ высказался: этого достаточно; никакие возражения, никакое veto невозможны против его суверенной воли. Его воля всегда законна: это — сам закон»**.

По мнению Эсмена, своей могущественной силой принцип народного суверенитета обязан тому, что он представляет собою «идею простую, отвечающую коренящимся в глубине человеческой души инстинктам справедливости и равенства». Как увидим далее, трудно согласиться с тем, чтобы это была идея простая, но нельзя не признать, что своим могущественным влиянием она в значительной мере была обязана тому упрощению, которое получила у Руссо. Эту идею, столь же древнюю, как и политическая наука, он представил в яркой и увлекательной форме, способной зажигать сердца; он придал ей обаяние торжественного и священного лозунга, призванного переродить мир.

Когда теперь, в спокойствии анализирующей мысли, с готовыми вопросами и сомнениями нового века мы перечитываем «Общественный договор», на фоне этого торжественного провозглашения мы замечаем другой ряд мыслей, как бы

* Эсмен А. Общие основания конституционного права/ Пер. под ред. В. Ф. Дерюжинского. СПб., 1898. С. 123.

** *Desmoulins Cam. La France libre // Ouvres. Paris, 1874. P. 82.*

невольно вторгающихся в общую гармоническую картину: и чем более мы собираем эти разрозненные мысли в одно целое и взвешиваем их в совокупности, тем более приходим к одному неожиданному заключению. Руссо не только дал увлекательное построение народного суверенитета, но он же и разбил стройный образ этой идеи жестоким ударом неумолимой логики, столь же присущей его мысли, сколько пламенный энтузиазм был присущ его темпераменту. Для увлеченных современников Руссо этот второй ряд мыслей исчезал и скрывался за пышными заветами его «Общественного договора», но для позднейшей критики он должен служить первым поводом к сомнениям и первым шагом к новому построению.

Задача, которую поставил себе Руссо, была не только увлекательной, но и великой задачей, разрешить которую было бы величайшим счастьем для человечества. С гениальным чутьем, его отличавшим, Руссо поставил вопрос в таком освещении, в каком он никогда не ставился ранее. Тысячу раз до него говорили о народном суверенитете как о верховном начале государственной жизни, и существенное значение его трактата заключается не в том, что он снова повторил эту идею. Народный суверенитет, народная воля — это увлекательно в принципе и многообещающе в идеальном представлении, — но это лишь начало, а не конец теории, которая предназначена к практическому осуществлению. Сказать, что народная воля должна быть поставлена на смену исторической власти, устранить старый предрассудок о божественном уполномочии династий, царствующих независимо от воли народной, Божией милостью, — это было великим предвозвещением новой демократической эры, бесспорным по существу и ясным по содержанию. Но спорность и неясность идеи начинаются тотчас же, как только мы ставим вопрос на почву дальнейшего практического воплощения ее в жизни. Народная воля должна быть законом — это ясно: но как найти народную волю, кого считать призванным к ее выражению, как выразить ее в законе, который одинаково для всех был бы бесспорным воплощением велений народных как самоочевидная истина и неопровержимая справедливость. Как устроить, чтобы однажды выраженная народная воля была для всех священной и непререкаемой, способной всем внушить уважение, вызывать подчинение не за страх, а за совесть, в силу очевидных достоинств своего выражения и ввиду внутреннего превосходства своего содержания? Таковы вопросы, счастливого разрешения которых было бы равносильно открытию драгоценнейшего секрета политиче-

ского искусства. И вот Руссо со смелостью пророка и реформатора поставил эти вопросы для того, чтобы дать им разрешение, ни в ком не вызывающее сомнений и с математической точностью отвечающее на существеннейшее их содержание.

Вопросы были поставлены, разрешение дано; энергическими и уверенными штрихами зарисовывая противоречия и пробелы, Руссо начертал образ, с виду цельный и прекрасный. Но, как мы уже сказали, это лишь обманчивая видимость, и на самом деле, при более внимательном рассмотрении оказывается, что проблема народной воли остается столь же загадочной, как и прежде. Более того, из трактата Руссо мы можем вывести и дальнейшее заключение: вопрос о народной воле и не может быть решен с той ясностью, как думал славный ее проповедник; проблема народной воли и должна остаться загадкой. Уже у Руссо стройная теория правового государства разбилась о такой подводный камень, которого ни преодолеть, ни миновать она была не в силах. Для того чтобы подтвердить наши заключения, постараемся проверить основания, из которых они вытекают. Прежде всего мы должны установить, что в учении Руссо идея народного суверенитета была именно тем главным основанием, на котором покоится все. «Я хочу отыскать, — так начинает он свой трактат, — нет ли в гражданском строе какого-либо правила управления законного и твердого», и он находит, что таким правилом следует признать только одно — подчинить управление суверенной воле или, что то же, законодательному верховенству народа. Все формы правления лишь тогда законны и справедливы, когда они признаны народом; демократия, аристократия или монархия могут быть, смотря по обстоятельствам, полезны и законны, но лишь тогда, если они вытекают из верховной воли народа.

Следуя воззрению своего века и сам укрепляя это воззрение, Руссо полагает, что суверенная воля народа является не только правомерным источником всякой власти, но вместе с тем и нравственным ее освящением. «Суверенная власть по одному тому, что она есть, есть всегда все то, чем она должна быть — *le souverain, par cela seul qu'il est, est toujours tout ce qu'il doit être*» (L. I, ch. VII). Почему? — На это Руссо отвечает в духе того гармонического воззрения, которое питает счастливую уверенность в возможности полного совпадения частного интереса с общим: «Образуясь из частных лиц, которые ее составляют, суверенная власть не может иметь интереса, противоположного их интересу; вследствие этого она не нуждается в гарантиях по отношению к подданным: невозможно, чтобы организм

захотел вредить своим членам» (Ibid.). Общая воля всегда справедлива и всегда стремится к общей пользе (L. II, ch. III). Она не может отягчить подданных ограничениями, бесполезными для общества: она не может даже этого хотеть (L. II, ch. III). Сколь ни является она абсолютной, священной и неприкосновенной, она не переходит и не может перейти границ, положенных общими соглашениями (L. VI, ch. IV). Вот общее воззрение Руссо, проходящее как господствующий мотив через все его частные положения: справедливая, священная, непререкаемая воля народа, непогрешимая в своих действиях и даже в своих желаниях. Такова вера, которой Руссо увлекал свой век, заставляя и других верить, что государство, построенное на общей воле, может стать священным отражением незыблемой правды. Но как узнать эту волю, эту святыню, которая живет в народе как простая истина, призванная господствовать среди людей? Очевидно, определить условия и способы проявления этой воли есть коренная задача правильной политики.

Итак, в чем же заключается общая воля, в которой все могли бы признать действительное выражение народных желаний? Есть только одна возможность обнаружить такую бесспорную общую и одинаково для всех убедительную волю: в общем согласии всех относительно общих предметов. Это и есть то выражение общей воли, на которое прежде всего указывает Руссо. Согласие частных интересов делает возможным общение, и оно же является основой для общей воли. «Почему общая воля является всегда правильной, почему все хотят постоянно счастья каждого из них, если не потому, что среди них нет никого, кто не прилагал бы к себе этого слова “каждый” и кто не думал бы о себе, подавая голос за всех? Общая воля, чтобы быть таковою, должна быть общей по своему предмету, как и по своему существу; она должна исходить от всех, чтобы применяться ко всем» (L. II, ch. IV). Но как возможно это согласие? В действительности интересы, как и взгляды людей, различны; слагая частные воли, различные между собою, мы ничего не получим, кроме разнообразия частных интересов, и в этом случае, по определению Руссо, мы будем иметь не общую волю, а только волю всех — *la volonté de tous*, которая есть не что иное, как сумма частных волей. «Но отмените от этих волей то, в чем они различаются, — плюсы и минусы, которые взаимно уничтожаются, и тогда в результате получится общая воля — *la volonté générale*» (L. II, ch. III).

Нельзя не сказать, что это единственное условие, при котором можно было бы получить общую волю, приемлемую одинаково для всех. Если бы во всех необходимых случаях возможно было найти нечто общее среди различия частных волей, если бы возможно было всегда установить согласие интересов (*l'accord des intérêts*) отдельных членов общества, тогда легко было бы и найти общую волю и вывести вытекающие из нее законы. Но всегда ли это бывает? Единство проистекает ли только из согласия и совпадения частных интересов или основывается также и на взаимной связи этих интересов, почерпающей свою силу именно из их различий и ввиду их возможного объединения? Не следует ли скорее сказать, что в общении лиц не менее, чем сходство их потребностей и целей, имеет значение и различие их между собою, ищущее своего высшего сочетания? Эти вопросы, поставленные и утвердительно разрешенные позднейшей философией права, не возникают для Руссо: в его уме живет ясный образ естественной гармонии интересов, и отсюда его представление об общей воле. Во всяком случае, показав нам то единственное условие, при котором общую волю можно было бы найти, так сказать, с математической точностью и простотой, Руссо обнаружил всю невозможность столь легкого разрешения проблемы. Внимательный анализ его сочинения показывает, что, не отступая от своего взгляда и даже настаивая на нем, он чувствовал, однако, всю трудность его практического осуществления в жизни.

Во-первых, что касается полного согласия интересов и единодушия отдельных волей, совершенно очевидно, что это возможно лишь в мечте и идее, но немислимо в действительности. Для Руссо это настолько ясно, что единодушная воля он требует только в одном случае, по отношению к закону, образующему гражданское общество, и не потому, что здесь легче всего предположить возможность единогласия ввиду неизбежной необходимости для каждого жить в обществе, а потому, что акт этого образования есть наиболее добровольный, какой только можно представить: «Так как человек рождается свободным и является сам себе господином, никто не может, под каким бы то ни было предлогом, подчинить его без его согласия» (L. IV, ch. II). Не следует ли отсюда, что в других случаях общее согласие всех не только менее возможно, но и менее необходимо? И действительно, Руссо прямо говорит, что для других законов достаточно общей подачи голосов: «Для того чтобы воля была общей, не всегда нужно, чтобы она была единогласной (*unanime*), но необходимо, чтобы все голоса были

сочтены; всякое формальное исключение нарушает общность» (L. II, ch. II, note). Это, конечно, дает практический выход, но ценой серьезного теоретического затруднения. Ведь основное правило относительно силы общественных требований гласит, что эти требования лишь потому обязательны, что они взаимны: каждый закон при издании своем предполагает согласие всех, кто должен ему затем подчиняться; это — необходимое условие его справедливости. Для того чтобы примирить значение этого правила с неизбежными практическими отступлениями от него, остается одно из двух: или вовсе не считать несогласных, полагая, что они как бы выбывают из общества, или же считать согласие на подачу голоса равносильным с общим одобрением закона. Руссо прибегает и к тому, и к другому выходу. Предвидя, что и самый закон об образовании общества, однажды принятый всеми, может впоследствии найти своих противников, он замечает: если со времени принятия этого закона он будет встречать возражателей, это не лишает силы договор, но только препятствует считать их в числе граждан, среди которых они будут чужими (L. IV, ch. II). Такой выход, конечно, вполне понятен по отношению к лицам, не желающим принимать на себя уз данного общения; но он не может быть применим к другим законам: лишь в самых редких и исключительных случаях несогласие с тем или другим законом давало бы повод к выходу из числа граждан. Поэтому для всех других случаев Руссо знает другой выход, столь знаменитый искусственностью своего диалектического построения. «За исключением первоначального договора, голос большинства всегда обязывает всех прочих: это следствие самого договора. Но, спрашивается, каким образом человек может быть свободным и вместе с тем вынужденным сообразоваться с волей, которая не есть его воля; каким образом возражающие свободны, если они подчинены законам, на которые не дали своего согласия. Я отвечаю, говорит Руссо, что вопрос плохо поставлен. Гражданин дает свое согласие на все законы, даже и на те, которые принимаются помимо его воли, и даже на те, которые его наказывают, если он осмеливается нарушить какой-либо из них. Постоянная воля всех граждан государства есть общая воля; благодаря именно ей, они — граждане и свободны. Когда предлагают известный закон в собрании народном, то у граждан спрашивают, собственно, не о том, одобряют ли они данное предложение или отвергают его, а о том, согласно оно или нет с общей волей, которая есть и их воля; каждый, подавая свой голос, высказывает свое мнение по этому предмету, и из подсчета голосов

выводится объявление общей воли. Если одерживает верх мнение, противоположное моему, это не доказывает ничего иного, кроме того, что я ошибался и принимал за общую волю то, что на самом деле не было ею. Если бы взяло верх мое частное мнение, я сделал бы не то, что хотел сделать, и именно в этом случае я не был бы свободен» (L. IV, ch. II).

Как часто упрекали Руссо за это место, находя в нем диалектическую игру мысли и даже непростительную софистику*. На самом деле, очевидная для нас искусственность этого построения не имеет ничего общего с софистической изворотливостью. Все заставляет думать, что ход мысли Руссо отличается в данном случае полной искренностью и серьезностью. Ключ к пониманию этого места содержится в последней фразе: «Если бы взяло верх мое частное мнение, я сделал бы не то, что хотел сделать». Дело в том, что частное мнение Руссо понимает как нечто, противоположное общему и даже исключающее его. С другой стороны, *общее мнение, как и общая воля, представляются ему не в виде колеблющегося результата, происходящего из столкновения и борьбы частных мнений и волей, а в виде неизменного элемента, общего всем частным волям и одинаково присущего каждой из них.* От этого именно она является волей постоянной «la volonté constante de tous les membres de l'Etat» (L. IV, ch. II). Ее ничто не может исказить или поколебать — elle est toujours constante, inaltérable et pure (L. IV, ch. 1). Подобно неизменному и единственно возможному результату алгебраического уравнения, она может получить лишь одно определение: или это будет общая воля, или необщая, car la volonté est générale ou elle ne l'est pas (L. II, ch. II). Понятно поэтому, что, принимая участие в голосовании относительно общей воли, каждый стоит перед альтернативой: или правильно отгадать содержание этой воли, или счастливо присоединить свой голос к голосу тех, кто не сумел отличить общую волю от частной. И столь же понятно, что при определении общей воли как неизменного элемента частных волей естественно предположить, что она

* Упреки этого рода составляют своего рода литературную традицию. См. и у новейших авторов: *Jellinek*. Das Recht der Minoritäten. Wien, 1898. S. 12; *Prins Ad.* De l'Esprit du gouvernement démocratique. Bruxelles; Leipzig, 1906. P. 107; *Duguit*. Droit constitutionnel. Paris, 1907. P. 33. Я думаю, что предлагаемое мною толкование дает возможность правильнее понять это место, а вместе с тем и основную идею «Общественного договора».

будет правильнее понята большинством*. Предполагая непосредственную вразумительность для всех счастливо найденной большинством общей воли и искреннюю преданность каждого общему благу, мог ли Руссо допускать, чтобы отдельные лица, после решающего голосования, упорствовали в своих неправильных мнениях или же хотели навязать обществу свою частную волю. Вспомним слова Камилла Демулена, столь удачно изъясняющие мысль Руссо: «Народ высказался, этого достаточно; никакие возражения, никакие veto невозможны против его суверенной воли: она всегда законна: это сам закон».

Так выясняется для нас, что предполагаемая софистика Руссо — в сущности, совершенно правильная и единственно возможная цепь выводов из его основного взгляда. С своей точки зрения, он был безусловно последователен и прав. Но более того: вопрос, который он затронул в данном случае, есть вопрос чрезвычайно важный и глубокий, и следовало бы скорее упрекать новейших теоретиков за легкое отношение к этому вопросу, чем Руссо за неправильное его разрешение. В самом деле, если стоять на точке зрения народного суверенитета, то недостаточно еще ссылаться на голый факт господствующего значения большинства: необходимо также подтвердить его нравственное право на это господство. Почему большинство обязывает меньшинство? Почему — говоря словами Руссо — свободный гражданин должен подчиняться законам, на которые он не дал своего согласия? Как увидим далее, новейшая теория народного суверенитета не дает на эти вопросы удовлетворительного ответа и даже не всегда сознает необходимость их постановки. Руссо в этом отношении был выше своих последователей. Теория общей подачи голосов, которую мы только что разобрали, дает возможность Руссо объяснить подчинение народному суверенитету лиц, несогласных с его велениями. Идея общей и общеобязательной воли как будто бы спасена, но факт остается фактом: приходится допустить возможность противоречий и разногласий в пределах общественных союзов, и Руссо в достаточной мере обладал чувством реального, чтобы видеть всю практическую их неизбежность. «Общая воля всегда постоянна, незыблема и чиста» — это он утверждал с начала и до конца; это было то новое Евангелие, которое он

* Только при этом предположении и возможно построение Руссо, признающее за большинством значение решающего авторитета. Сам Руссо выражает эту мысль с полной ясностью.

проповедовал и перед которым он требовал смирения от исторической действительности. Но, обдумывая приложение своих начал к практической жизни, он не мог не признать, что целый ряд обстоятельств постоянно противодействует торжеству общей воли. «Общая воля всегда справедлива и всегда стремится к общей пользе, но из этого не следует, чтобы суждения народа всегда были столь же правильны. Каждый хочет всегда своего блага, но не каждый ясно видит его. Народ нельзя испортить, но его можно обмануть, и тогда кажется, что он хочет зла» (Л. II, ch. III). Что же может обеспечить правильное выражение народной воли? И как, вообще говоря, народ может вступить на путь правильного законодательства? «Кто даст ему необходимое предвидение для того, чтобы заранее составлять свои решения и опубликовывать их? и как сумеет он обнаружить их в минуту необходимости? Каким образом слепая толпа, которая часто не знает, чего она хочет, потому что она редко знает, что для нее хорошо, осуществит сама по себе дело столь великое и трудное, как система законодательства?.. Общая воля всегда справедлива, но мнение, которое ею руководит, не всегда бывает просвещенным. Надо заставить это мнение видеть предметы такими, каковы они есть, иногда такими, как они должны ему казаться, указать ему добрый путь, которого оно ищет, предохранить его от соблазна частных желаний, обратить его внимание на время и место, уравновесить привлекательность выгод близких и осязаемых опасностью бедствий отдаленных и скрытых» (Л. II, ch. VI).

Можно ли было лучше изобразить затруднения и помехи на пути к образованию истинной воли народной и лучше понять условия для ее планомерного проявления? Руссо требует воплощения в законах общей воли, справедливой и неизменной, но на практике он видит перед собой лишь волю всех, изменчивую и непостоянную в своих частных желаниях, и как бы в порыве отчаяния он говорит: «Нужны боги, чтобы дать законы людям». Но независимо от указанных затруднений, он знает и еще большие. Хорошие законы, воплощающие истинно общую волю, не везде возможны. «Тысячи народов блистали на земле, которые никогда не могли бы допустить у себя хороших законов; и даже те, которые могли бы их иметь, в течение всего своего существования имели для этого время слишком короткое. Большая часть народов, так же как и людей, покорны только в юности и становятся неисправимыми в старости. Раз обычаи установились и предрассудки укоренились, это — опасная и напрасная задача стараться их изме-

нить» (L. II, ch. VIII). «Свобода не есть плод, произрастающий во всех климатах, и не каждому народу она приходится по силам. Чем более обдумываешь это положение, установленное Монтескье, тем более чувствуешь его истину, чем более опровергаешь, тем более имеешь поводов найти для него новые доказательства» (L. III, ch. VIII).

Но и там, где общая воля полагается в основу государственного устройства, она постоянно находится в опасности. Дело в том, что приводить в исполнение общую волю поручается правительству, действующему по уполномочию верховной власти народа. Но, по естественному соотношению вещей, правительство само стремится сосредоточить власть в своих руках. «При совершенном законодательстве частная или индивидуальная воля должна быть равной нулю, воля правительства — весьма подчиненной, воля общая или верховная — господствующей и служащей правилом для всех других. По естественному порядку, напротив, эти различные воли становятся тем более деятельными, чем более они сосредоточены. Таким образом, общая воля всегда самая слабая, воля правительства занимает второе место и воля индивидуальная — первое из всех (L. III, ch. II). Отсюда проистекает неизбежный антагонизм между ними: «Как частная воля беспрестанно действует против общей, так и правительство употребляет постоянные усилия против суверенитета». И чем более совершается захват верховной власти, тем более государство склоняется к гибели (L. III, ch. XI). Такова неизбежная участь всех государств, и не следует пытаться осуществить невозможное и льстить себя надеждой придать делу рук человеческих прочность, которой человеческие произведения иметь не могут» (Ibid.).

Из приведенных мест с очевидностью вытекает, что Руссо слишком хорошо сознавал препятствия к осуществлению в жизни верховной воли народа в ее истинной сущности и правде. И, однако, с твердостью человека, убежденного в беспорности своей идеи, он говорит: народная воля должна господствовать в политике! Это не был только стиль, который, по предположению Эсмена, заставлял умы воспринимать лишь простые формулы этой «в сущности хрупкой и даже схоластической доктрины», скрывая от них ее ограничения и разъяснения*.

* *Esmein*. Elements de droit constitutionnel. 4-me édition. Paris, 1906. P. 210, note 1: *Duguit*. L'Etat, les gouvernants et les agents. Paris, 1903. P. 58: «...doit au style merveilleux de Jean-Jacques...»⁵

Власть этой доктрины, гораздо более ценной и практической, чем обыкновенно предполагают, — в глубине и энтузиазме ее основного убеждения. Да, да и да, читаем мы между строк «Общественного договора», народ можно обмануть и направить на ложный путь, его не всегда можно склонить к истине, и тем не менее народная воля должна господствовать. Необходимо найти средства для поддержания суверенитета, необходимо обеспечить бдительность общей воли и ее неизменное господство над частной, и, изложивши все свои ограничительные и скептические замечания, Руссо обращается к этой главной задаче своего трактата.

«Так как суверен не имеет другой силы, кроме законодательной власти, и так как законы суть лишь подлинные выражения общей воли, то суверенная воля может действовать только тогда, когда народ собран. Народ собран — скажут на это — какая химера! Это химера теперь, — отвечает Руссо, — но это не было химерой две тысячи лет тому назад. Разве природа людей изменилась с тех пор? Границы возможного в явлениях нравственного порядка менее узки, чем мы это думаем: их суживают наши слабости, наши пороки, наши предрассудки. Низкие души не верят в великих людей, жалкие рабы насмешливо улыбаются при слове свобода. Восходя к первоначальным эпохам в жизни народов, можно найти, что большая часть древних правительств, даже монархических, имели народные собрания. Как бы там ни было, но этот один бесспорный факт отвечает на все затруднения: заключение от существующего к возможному мне кажется правильным» (L. III, ch. XII).

Удостоверяя таким образом возможность полновластных народных собраний, Руссо требует для поддержания неприкосновенности верховной власти народа, чтобы эти собрания созывались не только в том чрезвычайном случае, когда необходимо установление общественного союза, но периодически и постоянно, «так чтобы в определенный день народ созывался согласно закону, без необходимости какого-либо формального созыва». И чем более правительство имеет силы, тем чаще должна давать себя знать суверенная власть. Но, скажут мне, это возможно лишь для одного города, а что делать, когда в государстве их несколько. Следует ли тогда разделить суверенную власть? или же сосредоточить ее в одном городе и подчинить ему все остальное? «Ни то ни другое, — отвечает Руссо, — ибо то и другое противно принципам. Я отвечу еще, — прибавляет он, — что всегда оказывается

бедствием соединять несколько городов в одну общину; желая образовать такой союз, не следует льстить себя надеждой избежать естественного неудобства... Во всяком случае, если невозможно свести государство к должным границам, есть еще один выход: не допускать в нем образования столичного города, заставить правительство попеременно иметь свое местопребывание в каждом городе и собирать в них поочередно штаты страны. Населите равномерно территорию, — заключает свой совет Руссо, — распространите на ней повсюду одни и те же права и повсюду внесите изобилие и жизнь; таким образом государство делается сразу и самым сильным и наилучше управляемым» (L. III, ch. XIII).

Из всего этого вытекает, что для осуществления народного полновластия Руссо предполагает совершенно исключительные условия: тесные пределы небольшой государственной единицы, государства-города вроде греческих общин или швейцарских республик, жизнь которых представляется ему в образе доброго согласия и патриархальной простоты: все чувствуют себя здесь единым организмом, «в котором все части государства сильны и просты, правила ясны и вразумительны, в котором нет противоречивых и спутанных интересов, и общее благо всегда обнаруживается с очевидностью и требует только здравого смысла, чтобы быть замеченным» (L. IV, ch. I). Тот выход, который новые народы находят для выражения народного верховенства, — систему народного представительства, — Руссо, совершенно последовательно с своей точки зрения, отвергает. Передача представителям верховной власти означала бы в его глазах подмену общей воли, в образовании которой непременно должны участвовать все, волей частной; это было бы отчуждением народного суверенитета, по существу своему неотчуждаемого. Поэтому, принимая все это во внимание, Руссо приходит к следующему выводу: «Я не вижу, чтобы отныне возможно было суверенной власти сохранить среди нас свои права, если государство не будет слишком мало» (L. III, ch. XV). Он предвидел возражение, что небольшому государству трудно будет существовать вследствие внешних опасностей, и в голове его был целый план, как сочетать внешнее могущество большого народа с легким управлением и добрыми порядками маленького государства (Ibid.). Руссо не успел изложить нам свой план, но совершенно ясно, что этот план требовал бы коренного переустройства всех существующих больших государств; и это переустройство, по мысли его, должно бы было коснуться не только учреждений и законов,

но также и нравов. Он мечтал о таком упрощении жизни, при котором люди в непоколебимой простоте обычаев и желаний являлись бы недоступными для обманчивых увлечений и утонченных потребностей. «Мир, единство и равенство — враги политических тонкостей. Людей прямых и простых трудно обмануть именно по причине их простоты: приманки и утонченные поводы не оказывают на них никакого влияния; они даже недостаточно хитры, чтобы быть обманутыми. Когда видишь у самого счастливого народа мира крестьян, управляющих государственными делами под дубом и поступающих всегда мудро, можно ли удержаться от того, чтобы не презирать утонченностей других народов, которые делают себя знаменитыми и несчастными с таким искусством и с такой таинственностью. В государстве, управляемом таким образом, нет нужды в многих законах, и по мере того как становится необходимым обнародование новых, эта необходимость замечается всеми. Первый, кто их предлагает, высказывает лишь то, что чувствовали уже другие; здесь нет нужды ни в особых домогательствах, ни в красноречии, для того чтобы провести в законе то, что каждый уже решил делать, как только будет обеспечено, что другие будут действовать так же, как и он» (L. IV, ch. I).

Только что приведенное место имеет чрезвычайно важное значение для оценки теории Руссо: оно проливает новый свет на его учение об общей воле. Мы окончательно убеждаемся теперь, что общность воли представлялась Руссо в виде совершенного единства желаний, обеспеченного полным единством жизни и ничем невозмутимой простотой настроений и чувств*. Справедливость законов, принимаемых всеми, вытекает здесь из общего согласия взглядов, из однообразия положений и потребностей. Общая воля является вместе

* Попытка Б. А. Кистяковского найти «более широкий и внутренний смысл» учения Руссо об общей воле, находящая себе поддержку в соответствующих взглядах Еллинека, дает новые данные для понимания этого учения, но данные формально-логического характера. Целостное и конкретное содержание этого учения, резко отличающее его от современных воззрений, может быть понятно только из сопоставления всех отдельных взглядов Руссо и из общего духа его «Contrat social». Нельзя, однако, не согласиться с г. Кистяковским, что новые исследования Каймана и Липмана не раскрывают всей глубины учений Руссо. См.: *Kistiakowsky. Gesellschaft und Einzelwesen*. Berlin, 1899. S. 156, note 1.

и волей всех. Счастливая гармония царствует в этом общении, в котором единство, равенство и мир служат естественными последствиями патриархальной простоты жизни. Но как только общественная связь начинает ослабляться, как только частные интересы начинают давать себя чувствовать и небольшие общественные группы начинают влиять на общество в целом, общий интерес затемняется и встречает возражения. «Единодушие не царствует более при голосовании, общая воля не является более волею всех; поднимаются возражения, споры и лучшее мнение не проходит без прений». Наконец, когда государство приближается к гибели и общественная связь перестает жить и сердцах, когда худший эгоизм дерзко украшает себя священным именем общего блага, тогда общая воля безмолвствует... «Значит ли это, — спрашивает в заключение Руссо, — что она уничтожена или извращена? Нет, она всегда остается постоянной, незыблемой и чистой — *elle est toujours constante, inaltérable et pure*, — но она подчиняется другим, которые одерживают над нею верх» (L. VI, ch. II).

Эта фраза Руссо об общей воле — *elle est toujours constante, inaltérable et pure* — замечательная и классическая фраза. Она напоминает другое знаменитое изречение — Галилея — *e pur si muove*, и все-таки она движется. Пусть «резонеры» — как иронически выражается Руссо — говорят что хотят; пусть жизнь создает препятствия для торжества общей воли и грозит ее искажением, и все-таки это — «постоянная, неизменная и чистая воля», и все-таки она должна господствовать. Это было то убеждение, которое преобразовало политику, подобно тому как убеждение Галилея в свое время преобразовало физику. Никогда ни прежде, ни после теория народного суверенитета не развивалась с таким своеобразным сочетанием ясного сознания затруднительности ее воплощения в жизнь и глубочайшего убеждения в необходимости этого воплощения; ибо для Руссо безусловно ясно одно: другого основания для правильной политики и справедливых законов не существует. Мы можем восхищаться силою великого дерзания, заключенного в книге Руссо, страстью ее революционного порыва, но вместе с тем для нас несомненно, что великий вдохновитель новой политики сообщил ей такой догмат, который мог быть принят на веру и силою этой веры совершать чудеса, но не мог ни получить полного воплощения в жизни, ни выйти неизменным из испытания теоретической мысли.

II. ДОКТРИНА РУССО И НАКАЗЫ 1789 ГОДА

Судьба хотела, чтобы теория Руссо была подвергнута первому испытанию еще накануне Французской революции. Я говорю об опыте применения идеи народной воли в заявлениях французских наказов 1789 г. Конечно, тогда, как и позднее, не могло быть и речи о тех исключительно счастливых условиях, которые, с точки зрения Руссо, были необходимы для торжества общей воли. Невозможно было повернуть назад колесо истории и возратить культурным народам Европы блаженную простоту первобытных времен. Одно это должно было внушить сторонникам народного суверенитета мысль о том, что искать идеал народной воли в собраниях швейцарских крестьян было по меньшей мере нецелесообразно. Для тех, кто хотел утвердить эту идею, предстоял путь иной и гораздо более трудный: надо было, так сказать, вырвать ее из разногласия частных мнений, из противоречия интересов, из противоборства страстей; надо было показать, что она сохраняет свою силу и тогда, когда мы будем ее понимать не как готовый плод первобытного единства, а как сложный результат исканий и борьбы, дающийся только напряженным усилием мысли и воли.

Но если условия применения идеи народной воли в практической жизни не соответствовали замыслу Руссо, то первый же опыт ее применения давал новое освещение самому существу этой идеи. Наказы 1789 г. ясно обнаруживают, что, независимо от своего положительного содержания, независимо от раскрытия этого содержания в определенных требованиях момента, идея народной воли представляет собой могущественную критическую и оппозиционную силу. Первое определение, которое вытекает из этой идеи, есть понятие объединения отдельных элементов народа в некотором высшем общении интересов и стремлений. Но это определение имеет скорее идеальный и критический характер, чем конкретный и положительный. Какие отдельные положительные требования из него вытекают для данного момента, это не может быть ясно с первого взгляда и непосредственно. Зато совершенно ясно, что из него вытекает *отрицание* своекорыстных стремлений власти, несправедливых привилегий господствующих классов, неравенства положений, угнетения одних в пользу других. Еще менее ясно, кто именно должен быть выразителем народной воли. При невозможности осуществить идею

всенародных собраний по теории Руссо приходится прибегнуть к началу представительства, но и здесь могут быть разногласия в вопросе о системе представительства. Все эти затруднения тотчас же обнаружались, как только зашла речь о переустройстве Франции по началу народной воли. Что это переустройство должно быть делом народа или выражением воли народа, это было очевидно для всех. Весь существующий строй был поставлен перед судилищем идеи народа, и об эту идею последовательно разбивались все старые учреждения. Но если всем наказам приходилось апеллировать к этой идее и во имя ее отвергать старые учреждения, то не все они сходились в указании путей нового строительства и в определении способов выражения народной воли. Историческое прошлое Франции не выработало на этот счет никаких определенных начал. Старые Генеральные Штаты были построены на сословном начале, что разбивало народ на обособленные группы, противоречило идее народного единства и создавало лишь затруднения при переходе к новому строю. Сверх того, Генеральные Штаты не представляли собой чего-либо строго определенного ни по способу своего действия, ни по пределам своей компетенции*. Но так или иначе, французским избирателям при составлении наказов приходилось установить, в каком отношении будут стоять к идее нации созываемые Генеральные Штаты. Могут ли они считаться органом народной воли как единственное представительное собрание, которому приходилось говорить от имени народа? Или же волю народную будет выражать все собрание народа, согласно теории Руссо, что при данных условиях означало совокупность всех избирателей. Взгляды наказов по этому вопросу дwoятся, и в то время как одни указы с полной определенностью заявляют, что «Генеральные Штаты — орган народной воли», другие с такой же определенностью, а иногда и с некоторой резкостью высказывают ту мысль, что депутаты — только приказчики и поверенные избирателей — только истолкователи их воли». Из этого последнего взгляда вытекло стремление связать депутатов не только общими указаниями, но и наперед установленными статьями, которые должны были затем непременно быть приняты в собрании Штатов. Так же двойственно понималось

* *Герье В. И.* Идея народовластия и Французская революция 1789 г. М., 1904. С. 408. (Статья: Понятия о власти и народе в наказах 1789 г.).

отношение народной воли к королевской власти: тогда как одни полагали, что «Штаты состоят из короля и депутатов трех сословий» и что воля народная вытекает из совокупности этих двух элементов, другие противопоставляли народ королю, причем полагали, что учредительная власть принадлежит народу или его представителям, не делая при этом никаких оговорок относительно королевской власти. Но при всем различии взглядов на первое место силой вещей выдвигался тот орган народного представительства, который по историческим условиям призван был к выражению общественного мнения, и если новая идея народной воли не могла отразиться на способе выбора депутатов, который оказался связанным с сословными разграничениями, то она не замедлила проявить свое влияние в вопросе об организации самого представительного собрания.

В этом отношении прежде всего важно было определить: останется ли также сословной и организация собрания, соответственно старым феодальным традициям, или же сословный характер выборов будет сглажен в общем собрании Штатов, которые в таком случае могли бы явиться объединенным организмом народного представительства. Как и естественно было ожидать, привилегированные сословия, дворянство и духовенство, стояли ближе к старым традициям и в большинстве случаев высказывались за подачу голосов по сословиям. Более заинтересованные в сохранении существующего строя и своего привилегированного положения, они стремились вложить в новое понятие народной воли старое историческое содержание. Представление свое о народе они заимствовали из старого времени. Они понимали под народом совокупность различных сословий, отделенных друг от друга по своему положению и по степени почета. Они настаивали на том, что это понятие народа, освященное временем и преданием, и есть настоящий фундамент для дальнейшего существования Франции, «до тех пор, — прибавляли некоторые, — пока народ не прикажет иначе». В противоположность двум высшим сословиям, третье сословие стояло за слияние всех в поголовном голосовании. И здесь были исключения и отступления от общего взгляда, но преобладающее мнение было совершенно ясно. Представители третьего сословия как бы чувствовали себя представителями нового духа и новых исторических задач. Иногда они склонны были даже считать себя за единственных выразителей народной воли, ввиду того что «третье сословие по существу составляет народ». Во всяком

случае они не хотели, чтобы голоса их депутатов, по численности своей равнявшиеся голосам двух других сословий, были заглушены при системе сословного голосования, ибо при этом условии, как замечает один наказ, «нельзя было бы осуществить преобразований и голосование было бы напрасно». Понятие народной воли связывалось здесь с теми новыми веяниями и стремлениями, на почве которых выросло вскоре великое революционное движение. Таким образом, по вопросу о том, что следует понимать под народной волей и как получить ее более точное выражение, мнения радикально расходились: у каждой группы избирателей в этом отношении были свои представления, и каждая из них основывала эти представления на соображениях общего характера о лучшем будущем Франции. Представители феодальных традиций полагали, что преобразование старого сословного представительства нарушит «то мудрое равновесие между государем и народом, которое одно может предотвратить злоупотребления произвольной власти и буйство анархии»; носители новых начал утверждали, что сохранение старой системы помешает необходимым преобразованиям. Одни заимствовали свои представления о народе из прошлого и со страхом ожидали перемен, другие мечтали о новом французском народе, — народе будущего, которого они одни хотели быть верными истолкователями. Кто должен был разрешить это коренное разногласие и на чьей стороне была правда? По теории Руссо, единственной решающей инстанцией в данном случае должно бы было явиться общее собрание народа, но, согласно собственным разъяснениям Руссо, следовало признать, что в обстановке Франции того времени, при крайнем дроблении общества, опрос всего народа — даже если бы можно было его осуществить — не мог бы привести к желательным результатам и обнаружить силу народного согласия: напротив, он дал бы те же разноречивые показания, причем на стороне каждого мнения могло бы оказаться весьма значительное число голосов. Новейший историк Французской революции, разбирая указанные противоречия наказов и упрекая представителей различных сословий и партий в том, что они «по своим соображениям сочиняли орган для предполагаемой национальной воли, для того, чтобы во имя нации осуществить свою программу», замечает: «Все эти избиратели забыли о существенном значении монархии в ее идеальном смысле, забыли о том, что народ имеет в монархе постоянного, стоящего выше сословий и партий представителя национальной воли. К посредничеству

короля и надлежало обратиться»*. Этот взгляд на разрешение проблемы народной воли, предполагая за монархом счастливое свойство быть постоянным представителем этой воли, в сущности лишь заменяет патриархальный романтизм Руссо романтизмом феодальным: там и здесь воля народа представляется, как готовый плод его жизни, который непосредственно дается тем, кто предназначен его хранить. Народу в идеальном смысле противопоставляется здесь монархия в идеальном смысле, причем совершенно упускается из виду, что если монархия и должна служить символом народного единства, то это единство не есть неизменное достояние жизни, ключи от которого находятся в руках монарха: там, где оно есть, оно имеет характер подвижного равновесия, в разные моменты колеблющегося туда и сюда и вечно ищущего для себя нового выражения. Эти искания и колебания отражаются и на воле монарха, который является, таким образом, центром отраженным, а не самобытным, еще более ожидающим указаний от народа, чем дающим их ему. Не было ничего удивительного, если французские сословия на вопрос короля об устройении Франции пожелали сами ответить на то, о чем их спрашивали, вместо того, чтобы заранее предоставить все посредничеству короны. И столь же естественно было, что, мечтая о всенародном характере государственного строительства, каждая группа предлагала, однако, свою программу, соответственно своим идеальным представлениям о будущем и о характере народной воли. Никто и ничто, кроме свободного состязания отдельных мнений и кроме их внутреннего превосходства, подтвержденного объективным историческим опытом, не могли решить, на чьей стороне была правда. Эту правду надо было отгадать и найти, и естественно, что каждый отгадывал ее по-своему. Отсюда для теории народной воли вытекал один чрезвычайно важный результат: за невозможностью видеть в каком-либо лице или собрании подлинное и бесспорное выражение этой воли, находящейся в постоянном процессе своего образования, следовало не связывать ее непременно с каким-либо органом,

* *Герье В. И.* Идея народовластия и Французская революция. С. 483 и 481. Взгляд почтенного историка представляет собой целое миросозерцание, которое не раз находило для себя защитников в XIX веке. См. мои разъяснения по этому поводу в ответ на замечания В. И. Герье в журнале «Вопросы философии и психологии» (Кн. 89. М., 1907). (Письмо в редакцию).

приписывая ему свойство непогрешимости, а только обеспечить процесс свободного образования этой воли и свободного ее выражения. Дальнейшая история Франции показала, что народное представительство, даже при условии несовершенной избирательной системы, может явиться действительным выражением голоса народа, если оно не встречает к этому внешних препятствий. Генеральные Штаты 1789 г., избранные на старых феодальных основаниях, превратились в подлинное Национальное Собрание, которое призвано было провозгласить начала возрождения Франции, и не одной Франции. Таков был мощный зов времени, такова сила объективной логики событий, что собрание умело отыскать в своем творчестве народную волю, открывая тайники ее и для себя, и для самого народа. Не в легком и простом воспроизведении готовых и для всех очевидных начал познается народная воля, а именно в искании и творчестве; ибо воля эта не есть готовый факт, а лишь задача или руководящая норма, которая в своем положительном содержании нередко оказывается загадкой, уравнением со многими неизвестными, таинственной и неопределенной величиной.

Таков был результат, который можно было вывести из затруднений и противоречий французских наказов, поставивших своей целью согласовать свои заявления с требованиями народной воли. Вместе с тем уже тогда и из учения Руссо, и из первого опыта применения его на практике можно было бы вывести и еще одно чрезвычайно важное заключение. Если воля народная каждый раз есть искомая, а не данная величина и если определение, которое ей дают, никогда не может быть окончательным, а всегда является только приблизительным, о ней нельзя сказать, чтобы в каком бы то ни было выражении она представляла собой «постоянную, неизменную и чистую» волю. Никогда эта воля не бывает устойчивой и самодовлеющей величиной: она изменчива и подвижна, она колеблется и дробится, она постоянно находится в процессе образования. Как во всяком живом и подвижном психическом процессе, истина в ней не дана, а только задана и ищется, и потому в каждый момент этого процесса в нем можно встретить наряду с чутьем истины ошибки и недоразумения и наряду с определенными и правильными суждениями много неясного и смутного. Никто лучше Гегеля не выразил с этой стороны природы общественного мнения и образующейся в его недрах общей воли: «В общественном мнении, — говорил он, — заключено все ложное и истинное, найти в нем истинное есть задача великого человека. Кто говорит и выполняет для своего времени то, чего

оно хочет, есть великий человек своего времени. Он делает то, что составляет внутреннюю природу и существо его времени, кто же не умеет презирать общественного мнения, как он слышит его здесь и там, тот никогда не достигнет великих результатов». Общественное мнение, которое «слышится здесь и там», — это та эмпирическая разноголосица отдельных мнений, *volonté de tous* по терминологии Руссо, из которой настоящую общую волю надо извлечь, стараясь найти в ней элементы действительно общие, и отбросить все случайное, смутное и неправильное. Гегель связывает этот процесс с деятельностью великих людей, и это верно, поскольку нахождение общих элементов и руководящих начал совершается через отдельных лиц; но общей волей найденные ими элементы становятся лишь тогда, когда они действительно соответствуют потребности общества и когда общество узнает в них то, чего само желает. Иногда вожди и герои общественных движений провозглашают и такие идеи, которые идут впереди эмпирического разнообразия отдельных взглядов еще не созревшего общественного мнения, которые вносят свет, создают и творят; но всегда необходимо, чтобы эти идеи увлекли за собой других и получили печать общественного признания.

Из всего этого вытекает, наконец, и еще один существенный результат, имеющий особенное значение для нашего анализа. Мы заметили выше, что идея народного суверенитета была положена в основу правового государства. Вера в возможность легкого обнаружения народной воли была одним из условий оптимистических надежд старой политической теории. Надо только прислушаться к голосу народа, уловить его чистое и нелицеприятное выражение, и законы станут справедливыми, граждане свободными, общение совершенным. Но в существе этого взгляда кроется ошибка: право не может быть верной копией и фотографическим снимком народной воли по той простой причине, что эта воля, если брать ее как руководящее начало политики, есть не столько факт, сколько идея. Общественное мнение есть лишь путь к образованию правильного закона, путь трудный и тернистый, идти по которому значит не столько находить, сколько искать, и во всяком случае не столько находить совершенную истину, сколько улавливать ее временный и колеблющийся образ. И для того, кто усвоил эту точку зрения, политика все более и более представляется сложной и трудной, страшно далекой от той гармонии общественных соотношений, в которую верили в XVIII веке.

В результате всех этих выводов и заключений, в качестве обобщающего последствия из них могло бы возникнуть предположение, что вместе с старым пониманием принципа народной воли следует устранить и самый этот принцип. Есть ли в самом деле какое-нибудь основание говорить об общей воле народа, когда мы знаем, что в действительности под этой общей волей скрывается разногласие частных мнений, целая совокупность колеблющихся и меняющихся настроений и воля, борющихся за преобладание, подобно тому как сам народ есть совокупность отдельных групп, различных и борющихся между собой? Народная воля, народный дух, народное убеждение — не обладают ли все эти понятия оттенком старинного романтизма? Не заключает ли она в себе предположение о единстве мыслящего и хотящего субъекта и не приводят ли они к олицетворению принципа, существующего лишь в отвлечении? Нельзя не признать, что теоретические и — быть может еще более — практические злоупотребления идеей народной воли весьма поколебали доверие к ней в науке. Но не следует ли видеть в этом знаменательное указание, что, несмотря на все это, в общем сознании и обычном словоупотреблении неистребимо живет понятие народной воли. «Таково мнение всей страны», «таков голос народный» — вот выражения, которым и в наше время принадлежит не только широкое право гражданства, но и могущественное творческое значение. Под этим знаменем и теперь распространяются великие прогрессивные идеи и совершаются великие общественные завоевания. И сколько бы ни говорили о классовой вражде, о противоречии общественных интересов*, нельзя уничтожить этого факта, что пока народ представляет собой известное единство, в нем живет сознание общей связи. Глубочайший смысл учения Руссо заключается именно в том, что в наличности этого сознания оно усматривает основу существования государства. Как ни далеко ушли мы от старой идеи о совершеннейшей гармонии общественных отношений, тем не менее мы должны признать, что известное совпадение различных интересов и стремлений столь же необходимо для существования общества, сколь неизбежно в нем противоречие и противоборство отдельных сил. Руссо был совершенно прав, когда он говорил, что общество гибнет, если воля всех берет перевес над общей волей.

* *Hegel. Philosophie des Rechts. 3. Aufl. S. 404.*

Но если идея общей воли должна быть сохранена, то в каком виде и с каким значением? Мы всего лучше ответим на этот вопрос, если проследим те горькие разочарования и сомнения, через которые прошла теория общей воли после Руссо. Что уцелело от пламенных мечтаний XVIII века? Перед нами налицо результаты процесса, имеющего все признаки если не полной законченности, то во всяком случае разносторонней поучительности. Рассмотрим основные моменты этого процесса, значит уяснить себе тот кризис, который теория Руссо пережила в XIX веке.

III. КРИЗИС ТЕОРИИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Кризис теории Руссо в XIX веке был не только крушением идеи народного суверенитета: это было вместе с тем крушение идеи справедливого государства, гармонически сочетающего свободу и равенство отдельных лиц с господством и всемогуществом общей воли. Вопрос, который поставил Руссо в политике, можно сравнить с тем вопросом, который Кант поставил в философии. Как возможны синтетические суждения *a priori*, что означает: как возможно твердое познание, спрашивал Кант в «Критике чистого разума». Подобно ему, Руссо спрашивает в «Общественном договоре»: «Нет ли в гражданском строе какого-либо правила управления законного и твердого»*, что в его изложении значит: как возможно справедливое государство. И подобно тому как Кант отвечает на основной вопрос теории познания указанием необходимых формальных условий, при наличии которых твердое познание становится возможным, так Руссо разрешил основной политический вопрос указанием тех формальных условий, которые необходимы для осуществления справедливого государства. Многие политические мыслители до Руссо задавались этим вопросом и отвечали на него обыкновенно начертанием конкретного образа совершенного государственного

* Je veux chercher si, dans l'ordre civil, il peut y avoir quelque règle d'administration légitime et sûre — таковы начальные слова «Contrat social» (L. I, préambule).

устройства. Указывали нормальное число граждан и подробности их жизни, как это делал Платон; требовали особенно благоприятного географического положения и особой экономической организации, как Томас Мор; или же настаивали на осуществлении определенных форм государственного устройства, как делали писатели, придававшие решающее значение политическим учреждениям. Читатели «Общественного договора» знают, что Руссо не говорит ни о чем этом. Он отлично понимает, что «свобода не есть плод, произрастающий во всех климатах», но он далек от того, чтобы приурочивать идеальные определения к каким-либо конкретным условиям, естественным, экономическим, политическим или иным. Он дает лишь общую формальную схему, которая, по его мысли, может быть осуществлена при различных условиях*. Так, например, он одинаково допускает различные формы управления: демократию, аристократию, монархию. Но все эти формы лишь тогда законны, если они согласуются с общей волей народа и если они имеют в виду высшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законодательства и которое сводится к двум главным предметам: *свободе и равенству* (L. II, ch. XI). Общая воля народа, осуществляющая свободу и равенство всех, — вот необходимое формальное условие, вне которого нет справедливого государства; в этом именно и заключается то правило управления, которого искал Руссо, — «une règle d'administration légitime et sûre»⁶. Своим гениальным чутьем Руссо проник

* Против этого не может служить возражением, что, по мнению Руссо, для осуществления идеального строя народ не должен быть ни слишком старым, ни слишком изнеженным, простым, естественным и единодушным. Все эти и подобные требования относятся не к конкретным условиям общественного устройства, а к духовным свойствам и задаткам народа, без которых он не может не только осуществить идеальных основ справедливого порядка, но даже и понять их ценность и значение. Нередко утверждали, что Руссо относил свое идеальное построение только к малым государствам и считал его неосуществимым для больших, но это — чистое недоразумение, опровергаемое текстом «Общественного договора». Не говоря о том, что Руссо указывает известный выход для государств, которые нельзя свести к надлежащим границам (L. III, ch. XIII), он разумеет, конечно, не что иное, как известную форму федерализма, когда говорит о «возможности согласовать внешнее могущество большого народа с легкой политикой и добрым порядком малого государства» (L. III, ch. XV).

в самую глубь политической проблемы, и в этом заключается непреходящее значение его трактата, более важное, чем то, которое ему придают обыкновенно: быть отражением и Евангелием своей эпохи.

Особенность и оригинальность «Общественного договора» заключалась, однако, не только в глубокомысленной постановке вопроса, но и в знаменательности его разрешения. Обычным типом построений общественного идеала является тот, который был классически намечен Платоном: исходя от представления об известном объективном начале справедливости, предлагают осуществить его в обществе актом мудрого и благодетельного управления. Как говорил Платон, спасение государства заключается в том, чтобы правители сделались философами или философы правителями. Справедливость и мудрость приходят сверху, с вершин человеческого гения. Таково было нередко убеждение многих великих политиков и реформаторов. Руссо как бы переворачивает этот взгляд в самом его основании. Он предполагает, что справедливость может быть осуществлена только через общую волю всех граждан. При устройении общества нужно прежде всего исходить из общей воли, из общественного договора, и все остальное приложится само собой: и справедливость, и равенство, и свобода, и все блага общественной жизни. В этом утверждении заключалась мысль и глубокая, и важная. Бесспорно, что идеальным обществом следует признать лишь то, где закон общественной жизни сделался, по древнегреческому выражению, νόμος ἐμψυχός — закон, живущий в душе каждого. Самая высшая справедливость, осуществленная против воли подчиняющихся ей лиц, является принуждением, и если объективные начала справедливости не сделаются общим сознанием, они не могут овладеть жизнью до конца и вполне. В то время как многие увлекались идеалами просвещенного абсолютизма и благодетельных реформ сверху, Руссо с необычайной силой понял и сказал: для того чтобы идти до конца в деле справедливого устройства общества, надо основать его на общей воле, на общем признании. Это была идея смелая и блестящая. Как бы ослепленный откровением гения, великий Кант покорно повторяет за Руссо: «Законодательная власть может принадлежать только соединенной воле народа. Как источник всякого права, она никому не должна причинять несправедливости; но это всегда возможно, если кто-либо постановляет решения относительно других. Только тогда, когда каждый распоряжается сам собой, он не может быть

несправедливым к себе, согласно общему правилу: *volenti non fit injuria*»*.

Против этого можно было бы, конечно, возразить, что ставить справедливость всецело в зависимость от общего признания так же нелепо, как невозможно и осуществить ее против общей воли. Как мир не должен погибнуть для того, чтобы торжествовала справедливость, так и справедливость не должна была бы исчезнуть, если бы этого захотел весь мир. Но нелепость подобных отвлеченных противоположений с очевидностью показывает, что между справедливостью и общим признанием должно существовать определенное соотношение и известная гармония. Для того чтобы стать законом жизни, справедливость должна проникнуть в сознание людей, а общее сознание, для того чтобы привести к прочным отношениям, должно проникнуться справедливостью. Величайшая мысль в учении Руссо заключалась именно в том, что он указывал на необходимость гармонического соотношения справедливости и общей воли для устройства справедливого государства. Таким образом, он нашел то, чего искал, и вопрос о справедливом государстве разрешился для него в предположении, которое можно выразить так: справедливое государство будет осуществлено, если общая воля и справедливость найдут в нем гармоническое примирение. Но ведь эта формула выражала, в конце концов, только высшую мечту, таившуюся в глубине многих великих политических движений. Руссо лишь придал ей ясное выражение и заострил радикализм скрывавшихся в ней требований. Он понял ее не как отдаленный идеал, а как лозунг для немедленного осуществления. Сознание бесконечности стремлений, раскрывавшееся с высоты этого идеала, заменилось у него надеждой близкого и прочного достижения.

Источником и подкреплением этой надежды являлись два основных предположения, на которых основана была теория Руссо: одно из них относилось к возможности ее немедленного осуществления, другое обеспечивало ей нравственное значение и идеальное оправдание. Эти два предположения можно выразить так:

* *Rechtslehre*. S. 46. В своем сочинении «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (М., 1901) я старался показать, что в философии Канта идеал Руссо подкрепляется учением об автономии и в конце концов превращается в отвлеченную норму, требующую не всенародного участия в законодательстве, а законодательства в духе всего народа.

1) что общую волю как определенный и постоянный элемент, присущий воле отдельных лиц, легко найти и выразить в законах;

2) что в господстве общей воли и заключается торжество справедливости, ибо общая воля есть сама справедливость и всегда является тем, чем она должна быть.

Из этих двух положений и вытекал практический вывод: утвердите государство на общей воле, и все остальное приложится вам. Таков был практический смысл теории народного суверенитета. На этом именно была утверждена вера в правовое государство, призванное осуществить общую волю в учреждениях и законах.

С тех пор прошло немногим более века, но за этот сравнительно короткий срок воззрения радикально переменились. «Очевидная слабая сторона управления, руководствующегося общественным мнением, — свидетельствует Брайс⁷, — заключается в трудности выяснить это мнение»*. Такое первое поучение, почерпаемое нами из новейшего политического опыта. Второе поучение еще более значительно и важно. В наше время об общей воле не говорят уже как о неизменной справедливости, не называют ее абсолютной, священной и неприкосновенной. Вместо классического определения Руссо: *elle est toujours constante, inaltérable et pure* для современной эпохи является столь же классическим и характерным определение А. Леруа-Болье⁸: народное голосование дает всегда только голос народный, только то, что есть в народе, «*le suffrage universel ne sera jamais que l'expression de la voix populaire. De quelque façon qu'on l'interroge, il n'en sortira jamais que ce que la nation contient*»**. «Нечего и думать о том, — поясняет Альфред Фулье⁹, — чтобы голосование большинства необходимо заключало в себе истину и справедливость; это просто — среднее мнение, *l'opinion la plus moyenne*. За невозможностью лучшего приходится довольствоваться здесь тем, что Декарт называл *une morale de provision*, моралью предусмотрительности. Мораль скромная и долженствующая вну-

* Bryce. The American Commonwealth. N. Y. 1903. Vol. II. P. 354, см. русский перевод, III часть, с. 108 (М., 1890 — перевод с первого издания).

** Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1898. T. XLIX. P. 450 (Из прений по вопросу об организации всенародного голосования).

шать скромность тем, кто ею пользуется, потому что это мораль посредственности»*.

Гегель сравнивал зарождение современного государства с великолепным восходом солнца. Практика жизненного обихода низвела его существование к сумеркам обыденной жизни. Передовые мыслители Франции, той Франции, в которой некогда властно раздавались многообещающие заветы Руссо, теперь проповедуют прежде всего скромность. Горячая вера в общую волю как в непререкаемую и святую истину, которая всегда есть то, чем она *должна быть*, сменилась скромным сознанием, что общая воля есть только то, что она *есть*, и что она никогда не может дать более того, что в ней есть. Вместо веры в мистическую непогрешимость общей воли нашему веку досталось сознание ее реальных несовершенств. Это не значит, чтобы начало общей воли утратило всякое значение. Нет, по-прежнему оно сохраняет значение в высшей степени важное и, если угодно, руководящее. Но вместо того чтобы быть *безусловным этическим принципом*, каким хотели его видеть в XVIII веке, в наше время оно является только *руководящим политическим фактором*. С ним необходимо считаться, как с важнейшим условием нормального течения государственных дел, но в нем нельзя видеть высшего критерия законодательных актов. Таково воззрение, вытекающее из опыта жизни.

Как совершилась эта перемена взглядов? Ответом на это послужит дальнейшее изложение, но прежде чем к нему перейти, я хотел бы с самого начала наметить некоторые руководящие начала, которые помогут нам осветить как факты, подлежащие нашему рассмотрению, так и принципы, стоящие с ними в связи. Мы указали выше, что ни одно из основных предположений Руссо не выдержало испытания практикой и последовавшее разочарование было тем сильнее, чем более заманчивые перспективы открывались вначале. Надежды и ожидания «Общественного договора» утверждались не только на вере в близкое торжество справедливой общей воли, но также и на убеждении в возможности сделать это торжество прочным и обеспеченным. Руссо обещал создать политику не только справедливую, но и легкую, доступную для всех и каждого, действительно народную и простую, — политику, не требующую ни усилий, ни ухищрений, прозрач-

* *Fouillée Alf.* La philosophie du suffrage universel // Revue des deux mondes. 1884. Т. LXV. 1 Septembre. P. 112–113.

но ясную в своих положениях и безошибочную в своих результатах. Такой именно смысл имело его учение о воле народа, нахождение которой он считал задачей почти математической, задачей простого арифметического подсчета: отбросьте плюсы и минусы, устраните крайности, которые взаимно уничтожаются, и остаток покажет общую волю. При нормальных условиях, думал он, «необходимость новых законов замечается всеми, и первый, кто их предлагает, высказывает лишь то, что чувствовали уже другие». Эта легкая политика — *la police aisée*, — о которой мечтал Руссо, явилась бы поистине «великой государственной мудростью, которая нашла философский камень и заменяет труд государственного деятеля работой непогрешимой машины»*. Но возможно ли это? Возможно ли устранить труд политиков по призванию, труд исканий и размышлений, направленных к нахождению общей воли из противоречия частных стремлений? Вопрос этот тем более разрешается отрицательно, чем яснее раскрывается внутренняя сложность идеи общей воли. Представляя собой скорее задачу или руководящую норму, чем наглядный жизненный факт, эта идея на самом деле не могла ни получить немедленного осуществления в жизни, ни явиться основанием для той легкой и безошибочной политики, о которой мечтал Руссо. А гармоническое сочетание общей воли и справедливости, которое подразумевалось его теорией, подкрепляя и оправдывая теорию народного суверенитета, вместе с тем еще более относило ее к тем предельным и конечным целям, которые, подобно недостижимым звездам, могут направлять в пути, но сами остаются недостижимыми. Руссо предполагал, что господство общей воли обеспечивает торжество справедливости, и основной смысл этого предположения заключался в том, что справедливый закон должен утверждаться на всеобщем признании, так чтобы все одинаково хотели его и чтобы каждый, соглашаясь со всеми, «повиновался бы, однако, только самому себе». Такая задача, будучи идеальной целью общения, встречает непреодолимые препятствия для немедленного осуществления.

Основать государство на общем согласии, на общей воле всех представляется наилучшей и высшей опорой справедливости.

* Употребляю здесь слова, сказанные по аналогичному поводу одним из выдающихся соотечественников Руссо более позднего времени, практическим политиком Вельти¹⁰.

Но для того чтобы воля, царящая в обществе, была действительно общей, необходимо, чтобы все и каждый равным образом и с одинаковой силой хотели и могли определять свою судьбу, чтобы все одинаково умели хотеть, чтобы все были равно наделены даром воли. Только в этом случае общий закон мог бы явиться волей каждого и оправдалось бы положение *volenti non fit injuria*¹¹. Но стоит обдумать это условие во всей глубине заключающихся в нем требований, чтобы признать, что осуществление его предполагает идеал, в бесконечности лежащий и не поддающийся непосредственному воплощению в жизнь. Быть может, именно процесс образования общей воли все более обнаруживает, насколько трудно достигнуть, чтобы она отражала в себе, как в фокусе, совокупность всех индивидуальных волей. В обществе далеко не все заявляют себя с равной силой; наряду с руководящей мыслью и волей инициаторов и вождей мы замечаем пассивное подчинение или явное равнодушие и безразличие остальных. С другой стороны, продукты общественного взаимодействия никогда не являются простой совокупностью или суммой отдельных созданий и волей: из этого взаимодействия образуются своеобразные результаты, «которые в сознании отдельного человека или совсем не могли бы возникнуть, или по крайней мере не могли бы достигнуть того развития, какого они достигают при взаимодействии индивидуумов»*. Общая воля есть нечто вырастающее из взаимоотношения отдельных волей и в известной степени противоположное им и возвышающееся над ним.

Но осуществление справедливой общей воли встречает затруднение и другого рода. В самом этом понятии нет той естественной гармонии, которую предполагал Руссо: справедливость не обуславливается одним фактом общего согласия, и одна общность воли не создает еще справедливого порядка. Допустим, что действительно можно было бы согласить всех в общем желании, значило ли бы это, что такое желание будет непременно соответствовать идеалу справедливости. Достоинство воли, как индивидуальной, так и общей, определяется не одним свойством ее самостоятельности, а той целью, которую она себе ставит. А это значит, что гармония общей воли и справедливости не есть факт, само собой разумеющийся

* Цитирую здесь слова Вундта в *Vökerpsychologie* (Bd. I. Th. I. S. 9). См. эту и другие аналогичные цитаты у Лосского. О народовластии // Новый путь. 1904. Декабрь. С. 411–415.

и предустановленный, а цель, которая должна быть достигнута. В этой цели общая воля находит для себя высшую норму и границу, а в стремлении к ней — свою постоянную задачу, разрешение которой по самому свойству этой задачи относится в бесконечную даль.

Но если в самых глубоких и основных стремлениях своих теория общей воли оказалась бессильной претвориться в действительность и в лучшем случае могла лишь послужить основанием к построению конечного политического идеала, то жизнь все же извлекла из нее известные практические выводы. Эти выводы далеко не соответствовали широкому замыслу Руссо и в конце концов нашли для себя иное теоретическое обоснование, но так или иначе они несомненно получили свою первоначальную силу при могущественной поддержке доктрины «Общественного договора». Практическая жизнь не могла подтвердить предложений Руссо ни относительно легкого нахождения общей воли, ни относительно неизменной гармонии, существующей между этой волей и справедливостью. Но самая идея общей воли, при всей своей неопределенности и неясности, имела огромное преобразовательное значение в смысле изменения отношений между властью и народом, и в этом своем значении она явилась гранью между старым порядком и новым. Как очень удачно указывает Джемс Стифен¹², различие старого и нового политических воззрений заключается в том, что первое рассматривает правящих как высших сравнительно с подданными, как мудрых и хороших по характеру своего положения, как законных вождей и руководителей всего народа, не подлежащих критике и осуждению, тогда как второе воззрение берет правящих как простых агентов и слуг, а подданных — как господ, полных мудрости и доброты и вынужденных только поручать свою власть так называемым правителям, за невозможностью для всего народа самому пользоваться ею: критика и суждение о власти является правом, которое принадлежит всем*. Никакая другая теория не выразила этого нового воззрения с такой яркостью и силой, как теория «Общественного договора». И несомненно, что отсюда именно получила свое самое сильное подкрепление позднейшая теория правопо-

* *Sir Stephen James-Fitzjames*. History of the Criminal Law of England. L., 1883. Vol. VII. P. 229. Полностью цитата приведена у: Мэн. Опыты о народном правлении. Гл. I.

го государства, которая учит, что «престиж конституционной государственной власти заключается не в недостижимой высоте, а в том, что она находит поддержку и опору в народе», что «опираться на народ является ее основной задачей и целью, так как сила, прочность и устойчивость ее заключается в народной поддержке»*. Связь этого воззрения с теорией народного суверенитета бесспорна, но в наше время идея о необходимой солидарности власти и народа находит свое обоснование не в учении о непогрешимости общей воли, а в особом представлении о государстве как о юридическом лице, в котором народ является основным элементом, имеющим значение не только объекта власти, но также и субъекта ее. Власть есть лишь орган целого, вне которого она не имеет значения и в интересах которого она получает свои полномочия. В этом воззрении понятие народной воли сохраняет огромное значение как символ солидарности власти и народа и как выражение государственного единства. Но при этом предполагается, что воля народа, поскольку он является организованным юридическим лицом, имеет свои органы. Народ, рассматриваемый как государство, есть прежде всего организация, а каждая организация неизбежно предполагает известное устройство элементов, выделение органов из общей массы, противопоставление и подчинение одних другим. Как бы ни была эта организация демократической по своим основаниям, она всегда и неизбежно требует органов, выделенных из совокупности граждан, и сколько бы ни создавали гарантий для установления зависимости этих органов от народа, на практике они всегда будут иметь известное право распоряжения и усмотрения, известную самостоятельность. Над всем этим построением современной теории, конечно, возвышается идея государства как целого, идея солидарности и единения власти с народом. Но все эти понятия берутся здесь в скромной формулировке руководящих начал на трудном и длинном пути осуществления идеи справедливости. Существенным отличием этого взгляда является то, что он не ожидает немедленного претворения в действительность идеальных начал, он не ждет от жизненной практики законченной гармонии и даже принципиально исключает мысль о

* См. определения Б. А. Кистяковского в его статье: Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. Кн. 85.

такой гармонии из представления о неустанном развитии и свободном состязании человеческих сил. В этом смысле идеал справедливого государства, гармонически сочетающего начала равенства и свободы с господством общей воли, представляется оставленной и пережитой мечтой. Но развитие в духе справедливости и всеобщей солидарности по-прежнему остается руководящей целью политики.

Лучшим подтверждением высказанных здесь положений служит история тех политических опытов, которые вдохновлялись теорией Руссо. Эта история представляет собой вместе с тем ряд последовательных разочарований в возможности осуществить идею народного суверенитета в том виде, в каком она преподносилась ее знаменитому провозвестнику. В сущности, обо всей теории Руссо можно было бы сказать то, что говорит о ней Эсмен по одному частному поводу (по вопросу об ее отношении к монархии): «Придуманная Руссо комбинация допустима лишь при условии признания присущих ей принципов, и никогда она не применялась на практике и не была испробована»*.

Тот искус, через который прошла теория Руссо, мы рассмотрим в двух направлениях. Мы покажем сначала, как мало оправдалось его убеждение, что общая воля есть ясная и легко определяемая норма, устрояющая политическую жизнь, чтобы затем разъяснить, сколь мало эта воля сама по себе может быть признана чистой и бесспорной справедливостью.

* *Esmein*. *Eléments de droit constitutionnel*. 4-me éd. P., 1906. P. 218.